

— За бортом полное пекло, — сказал Гугер, искоса глянув на панель с приборами. — Плюс тридцать два. Африка, блин.

Левую руку он безвольно вывесил в открытое окно, меж пальцев дымилась сигарета. Правой рукой Гугер крепко держал руль.

— Когда ты стекло опускаешь, весь холод просто вылетает, — недовольно заметил Валерий, ладонью подгребая себе в лицо воздух от сопла автомобильного кондишна.

Кирилл сидел в салоне и ногой придерживал кофры.

Тёмно-синий микроавтобус «мерседес» катился по гравийной дороге, переваливаясь с боку на бок. Последний раз по этой дороге грейдер гоняли года три назад, не меньше, и с тех пор колёса автомобилей и весенние ручьи накопили новые ухабы и колеи. Гугер вёл автобус по встречной полосе. «Закон Мёрфи, — пояснил он, когда за посёлком Рустай закончился асфальт. — Соседняя очередь всегда движется быстрее, а встречная полоса всегда более ровная».

Здесь, вокруг реки Керженец, тоже горели торфяники. Дорога лежала на дне густого леса, словно в осиновом ущелье. По ущелью вяло полз поток сизой мглы, душной и жгучей. Размытое и бледное пятно солнца висело в перспективе дороги, стекая к горизонту.

Кирилл подумал, что эта муть высасывает все силы. В движении машины, в зыбкости марева глаза мучительно пытаются определить неверные очертания деревьев

и дороги, будто бы напряжением воли сконцентрировать расплывшиеся вещи в прежних чётких формах, но ничего не получается, только напрасное истощение разума.

Гугер выбросил окуроч, перехватил руль левой рукой, а правой вытащил откуда-то маленькую бутылку воды «Перье» и протянул её горлышком к Валерию:

— Вэл, открой.

Гугер, не отрываясь, смотрел вперёд на дорогу. Валерий с хрустом свинтил с горлышка бутылки металлическую пробку. Гугер сунул горлышко в рот и, как в бочку, без остановки перелил минералку в себя. Пустую бутылку он швырнул наружу и надавил пальцем клавишу, поднимая в окошке стекло.

— Вон же сзади мешок для мусора стоит, — укорил Валерий.

— Да пофиг.

— Здесь заповедник.

— Да пофиг.

Кирилл молча смотрел на дымные заросли. Такой же дым месяц назад затопил Кутузовский, где он жил. С восьмого этажа земля уже не просматривалась. Блочные высотки на другой стороне проспекта плыли в тумане, будто айсберги. Окна в квартире, что снимал Кирилл, были наглухо закрыты, стеклопакеты не пропускали запах гари. Но квартира раскалилась, как мангал, а вместо кондишна у Кирилла был дурацкий вентилятор, который тупо месил жару, взбивая в масло.

Вероника в одних трусах стояла у окна, задумчиво барабаня пальцами по раме, смотрела на призрачный город. Спина у Вероники блестела от пота, черные волосы прилипли к плечам. «Кирюша, это всё несерьёзно», — негромко, но убеждённо произнесла Вероника.

— Притормози, — вдруг встрепенулся Валерий.

«Мерседес» мягко увяз в зное. На обочине, отшагнув в бурьян, стояла женщина с рюкзаком и в платочке. Валерий опустил стекло.

— Нам в Калитино, — сказал он женщине.

— А то она не догадалась, — скептически буркнул Гугер.

Дорога вела только в Калитино и больше никуда. В округе и не было других деревень.

Кирилл пригнулся и посмотрел на женщину сквозь пыльное окно. Ему показалось, что этой деревенской бабе лет сорок. Она нелепо дёргала на себя ручку роликовой дверки «мерседеса».

— Кир, открой ворота этой дуре, — оглянулся Гугер.

Кирилл потянулся, отщёлкнул замок и толкнул дверку в сторону. Дверка откатилась, и в салон ввалился густой банный жар с запахом углей и веников. Женщина, наклонившись, неловко влезла в салон, цепляясь обеими руками за края дверного проёма.

— Сюда, — велел Кирилл и пошлёпал по сиденью напротив себя.

Женщина послушно села, не снимая рюкзака. Кирилл с разгоном закатил дверку обратно и грохнул ею.

— По лбу себе дай! — ругнулся Гугер через плечо. — Это тебе не «газель», дверью-то бабахать!

В салоне микроавтобуса должны были стоять четыре ряда диванчиков, но ещё в парке, где Валерий брал «мерседес» в прокат, Гугер снял два последних ряда. Теперь на их месте лежали пластиковые ящики, кофры из жёсткой тезы и зелёные армейские канистры — багаж и снаряжение экспедиции. В дороге Кирилл следил, чтобы на ухабах эта груда не развалилась. Пассажира можно было посадить только на диванчик, соседний с диванчиком Кирилла.

Женщина с рюкзаком за спиной притулилась на краешке сиденья. Она держалась за лямки, будто за ремни парашюта. Кирилл рассматривал попутчицу. Стоптаные городские ботинки, серые от сухой грязи. Вытянутые треники с выцветшим двойным лампасом. Заправленная в штаны клетчатая рубашка. Рукава раскатаны, а обшлага

застёгнуты — от комаров. Блѣклый платок туго обматывал всю голову.

— В Калитино живѣте или на даче здесь? — спросил Кирилл.

Женщина быстро глянула на него и кивнула. Кирилл не понял, местная она или нет. Зато понял, что ни шиша ей не сорок лет. Лет двадцать с небольшим, как и ему. Просто загорелая и одета как баба.

— Как тебя зовут?

Попутчица вцепилась в лямки рюкзака и молчала, опустив глаза.

— Да ладно, чего ты, — улыбнулся Кирилл. — Я Кирилл, это Валера, это Гугер. Мы к вам в деревню в экспедицию едем, на неделю.

Попутчица вдруг странно кулдыкнула и как-то икнула, словно её тошнило. Она совсем отвернулась, горло её напрыглось.

— Ль-ль... — промычала она. — Ль-ль...

— Немая, что ли? — оглянувшись, удивился Гугер.

— Денис, это бестактно, — негромко сказал Валерий.

— Я не Денис. Я Гугер. Гу-гер.

— Лена? — подсказал Кирилл.

Попутчица отрицательно помотала головой.

— Лида? — предположил Валерий.

— Лиза?

Кирилл понял, что угадал. Попутчица кивнула.

— Рюкзак-то снимите, неудобно же.

Такой допотопный брезентовый рюкзак типа «колобок» Кирилл видел у родителей в кладовке. Наследие пионерского детства.

Не вставая, Лиза выгнулась, неловко вытаскивая руки и плечи из лямок рюкзака. Кирилл увидел, как у неё на груди остро натянулась рубашка. Девушка явно волновалась. Кирилл подумал, а какие у неё трусы? Не стринги же. Рейтузы какие-нибудь байковые до ляжек.

Кирилл вытащил из-под спины Лизы рюкзак, Лиза забрала его и положила себе на колени, словно прикрываясь рюкзаком от взглядов.

— За грибами в лес ходила? — спросил Кирилл.

— Для грибов пока не сезон, — наставительно заметил с переднего сиденья Валерий.

— Лыко драла, — хмыкнул Гугер.

— За ягодами?

Лиза кивнула.

— Продай ягод, — тотчас попросил Гугер. — Сколько возьмёшь?

Глядя в пол, Лиза затрясла головой, пытаясь назвать цену, и наконец показала два пальца.

— Две тысячи? — спросил Кирилл.

— Двести? — поправил Валерий.

Лиза кивнула.

— Баксов? — оглянулся Гугер.

Лиза не отреагировала. Похоже, она не знала, что такое баксы.

— Идёт, — согласился Валерий. Он заведовал кассой.

Лиза послушно отстегнула клапан рюкзака и развязала шнурок. В рюкзаке стояла обрезанная поверху пластмассовая канистра. Лиза достала из неё газету в розовых пятнах сока и, наклонив рюкзак, показала, что канистра на треть полна земляникой.

Чтобы собрать столько земляники вручную, Кириллу потребовалось бы пять дней.

— Зачем нам столько? — запротестовал Валерий, выглядывая из-за подголовника. — Нам грамм триста. Просто у меня желудок слабый.

Кирилл достал из мусорного мешка пустую пластиковую бутылку, вытащил нож из ножен на ремне и с треском разрезал бутылку пополам. Получилось нечто вроде стакана. Кирилл опустил его в канистру и осторожно нагрёб земляники.

— Хватит, — сказал он.

Валерий из-за подголовника протянул две бумажки по сто рублей.

Лиза взяла их, сложила пополам и сунула в нагрудный карман. Потом бережно закрыла канистру газетой, завязала рюкзак и застегнула ремешки.

«Интересно, она блондинка или брюнетка?» — подумал Кирилл.

Гугер вдруг надавил на тормоз. «Мерседес» клюнул носом.

— Сорри! — сказал Гугер.

Кирилл наклонился в проход и посмотрел в лобовое стекло, радужное от пыли и крапчатое от разбитых мух. Гравийную дорогу пересекала обширная и глубокая промоина. Сейчас она была сухая, а весной или в ливень здесь, наверное, бежала целая речка.

— Шесть километров ещё до деревни, — заметил Гугер, посмотрев на экранчик GPS-навигатора, прилепленного на присоске к лобовому стеклу. — Я проверю, проедем ли...

Гугер открыл свою дверку и выпрыгнул наружу.

Валерий, подумав, отстегнул ремень и тоже выбрался из автобуса.

Кирилл видел, как они ходят по промоине, глядя под ноги. Гугер присел на корточки и сощурился, оценивая клиренс автобуса. Гугер был маленьким, в остроносых туфлях, в тугих джинсах, в чёрной майке и в бейсболке задом наперёд. На затылке у него сидели чёрные очки. А у рослого Валерия обозначился аккуратный гуманитарный животик, и его не мог замаскировать даже камуфляж, слишком новый, чтобы казаться brutальным. Образ Валерию портили ещё и кроссовки — но в жару берцы превратились бы в пытку вроде испанских сапог.

Вдруг Лиза забилась и замычала, торопливо вдевая руки в лямки рюкзака. Она глядела вовсе не на промоину, а куда-то поверх груди вещей в салоне, в задние окошки

автобуса. Она вскочила и со свисающим рюкзаком кинулась к двери, принялась дёргать ручку.

— Ты чего? — изумился Кирилл.

Лиза обернулась на него. Тёмные зрачки её расширились во всю радужку. Она крупно сглотнула, неестественно повела головой, будто вывинчивала шею из плеч, и хриплым шёпотом сказала:

— Открой!..

Кирилл ошарашенно посмотрел туда, куда глядела Лиза, и сквозь задние окошки увидел, что там над кустами обочины поднимается глиняный откос метра два высотой. Из него, словно чёрные руки погребённых мертвецов, свисали древесные корни. А над обрывчиком стояли и смотрели на автобус две собаки. Совсем обычные собаки, дворняги. Одна побольше, серая, другая поменьше, рыжая с белыми пятнами. Собаки не лаяли, не вертели хвостами, не улыбались, высунув языки, как деревенские псы улыбаются любому встречному. Собаки просто молча смотрели на людей, как равные на равных.

И Кириллу тоже стало страшно, непонятно почему.непролазный комариный лес, пустынная дорога, дым торфяных пожаров, зной нечеловеческий... Вековая тишина. Суровая река Керженец, где двести лет по чащобам прятались раскольники, молились, строили храмы, сжигались заживо и чёрт их знает какую нечисть приворожили. И ещё немая, которая вдруг заговорила. И ещё эти молчаливые псы.

— Открой! — прохрипела Лиза и ударилась в дверку всем телом.

Кирилл поднялся, шагнул вперёд, взял Лизу за круглое плечо и отодвинул в сторону, потянул на себя ручку и откатил дверь. Лиза выпрыгнула на дорогу. На миг она замерла, а потом оглянулась и показала пальцем куда-то на промоину, на Гугера с Валерием, на дальний поворот дороги, расплывающийся в мареве.

— Не надо туда! — глухо выдавила из груди Лиза.

Из-под платка на скулы выбились две тонкие пряди, но Кирилл так и не разобрал, тёмные они или светлые. Лиза поддёрнула лямку рюкзака и побежала по обочине прочь от автобуса, по-женски растопырив руки. Рюкзак на её спине болтался туда-сюда. Внезапно Лиза повернула, пересекла дорогу, перепрыгнула канаву и исчезла в пыльных, жухлых кустах.

Кирилл выбрался из автобуса — словно погрузился в банку с горячим вареньем. Он глядел на глиняный откос с чёрными корнями. Собаки исчезли.

От промоины к автобусу шли Гугер и Валерий.

— Куда это она рванула, Кир? — издалека крикнул Гугер.

Кирилл пожал плечами.

— Надеюсь, это не из-за тебя? — подходя, осторожно спросил Валерий. — Понимаешь, нам конфликты с местными не нужны.

— Я тут вообще ни при чём.

— Да хрен с ней, — Гугер сунул в рот сигарету. — Немые — они те же сумасшедшие. Поехали давай. Как-нибудь проскребёмся через яму.

2

Лес рассеялся, и открылась мгlistая пойма реки. Керженец оказался нешироким, тёмным, мутноватым от дыма. Деревня Калитино протянулась вдоль берега длинной прерывистой цепочкой домов. Над серыми и бурыми крышами поднимались жухлые копны деревьев и бревенчатые телеграфные столбы с перекладинами.

«Мерседес» дважды подпрыгнул, переезжая ржавые рельсы узкоколейки. Налево вдали рельсы поворачивали к деревне и заканчивались в каком-то запертом сарае. Направо — убегали за редкую рощу высоких старых тополей.

— Похоже, здесь уже и паровоз видали, — хмыкнул Гугер.

— Просто цивилизация добирается везде, — согласился Валерий. — Поглядите-ка вон туда...

Между рощицей и рекой, наособицу от деревни, стоял кирпичный двухэтажный замок с башенками, стрельчатыми окнами и кровлями из черепицы. Замок был обнесён глухой оградой из бетонных плит, поверху отороченной спиралью колючей проволоки. Железные ворота сторожил домик охраны, похожий на маленький бастион.

— Наверняка с той стороны на речке купальня, — предположил Валерий. — В Братеево такие же усадьбы понастроили.

— Вот откуда здесь связь и вай-фай, — сообразил Гугер.

На скате крыши у фронтона сидела огромная серебряная тарелка.

— Думаете, этой деревне нужен интернет? — спросил Кирилл.

— Телефоны-то всё равно нужны.

— Понимаешь, такие дачи в заповеднике строить просто так не разрешают, — тоном знатока пояснил Валерий. — Всегда навязывают обременение. Дорогу провести для деревни, водопровод, газ или вот связь. Новая экономика вытягивает деревни из совка. Социальная ответственность состоятельных людей.

Кирилл недоверчиво фыркнул. Лично его из совка вытягивала тётка. Социально-ответственных богачей на Кирилла не хватило.

Деревню окружали бугристые пустыри, заросшие бурьяном. Кое-где на них виднелись уцелевшие заборы, груды кирпича. Наверное, недавно деревня была куда больше, чем сейчас. Пустыри остались от разобранных домов. Теперь их превратили в свалки. Из крапивы торчали скелеты кроватей, изгибы автопокрышек, кабина трактора, мятое железо. Поблёскивало битое стекло. Ветерок от проезжавшего

мимо «мерседеса» лохматил мусор — клочья бумаги, рваные тряпки.

Возле первого деревенского дома на брёвнах у обочины сидели четыре загорелых мужика, то ли выпивали, то ли играли в подкидного, то ли чинили тракторный прицеп, что стоял за брёвнами на домкрате и без одного колеса. Мужики дружно проводили автобус взглядами.

«Мерс» ехал по улицам деревни Калитино. Тротуары заросли травой и акацией, и в деревне все ходили по дороге — автобус объехал старуху с вёдрами, мужика, толкавшего тележку с сеном, двух баб, что болтали на перекрёстке. Все дома поначалу казались одинаковыми, но потом Кирилл начал различать крыши: серые шиферные, ржавые железные, на сараях — из чёрного рубероида. Заборы разной степени сохранности прерывались только калитками или воротами гаражей. Поверх заборов Кирилл рассматривал дворы — то чистые и ухоженные, то захламлённые и заросшие. Кое-где во дворах на верёвках сохло бельё. В пыли проулка купались курицы. За проулком мелькнула река, на песчаном берегу лежали яркие резиновые лодки и суетились полуголые люди — туристы, что приплыли по Керженцу.

— Ну и какой же дом нам подойдёт? — хмуро спросил Гугер и нацепил чёрные очки, словно они помогали выбирать.

Кирилл оценил, что в деревне домов пятьдесят. Жилыми казались два десятка, ещё столько же стояли с заколоченными окнами и запертыми воротами, но не выглядели брошенными. А совсем ничейные дома никак не привлекали: редкозубые заборы покосились, в крышах зияли дыры, под стенами топорщился огромный дремучий бурьян ростом выше подоконников.

Деревня закончилась, и Гугер притормозил. Впереди расстилалась унылая луговина, где вдали паслись коричневые коровы.

— Можно, конечно, вскрыть какой-нибудь дом, но это чревато, — задумчиво сказал Валерий. — Понимаете, бывает, что хозяева живут в городе, а деревенский дом держат как дачу. Нехорошо получится.

Гугер молчал. Кирилл вздохнул:

— Надо у деревенских спросить, какой дом можно занять на время.

— Ты и спрашивай, — тотчас сказал Гугер.

— Спрошу, — нехотя согласился Кирилл. — Поехали обратно к тем мужикам, что возле прицепа сидели.

— Не лучше ли какую-нибудь бабульку поймать?

— Просто спрашивать надо, так сказать, у дееспособных, — пояснил Валерий. — Чтобы потом не было конфликтов.

Гугер принялся разворачивать автобус.

Они вернулись через всю деревню, но теперь у тракторного прицепа с домкратом возился уже только один парень. Недостающее колесо прицепа было насажено на ось и привинчено.

Гугер остановился. Пока Кирилл выбирался из салона, парень сложил у домкрата ржавые станины и забросил его в кузов, а сам направился к «мерсу».

— Чего катаетесь тут? — спросил он у Гугера в окошке автобуса.

— Э... дом ищем, чтобы на недельку пожить...

— У нас дома никто не сдаёт, — отрезал парень.

— Да нам бы ничейный... — Гугер не был готов к разговору.

— Мы просто поживём немного и уедем, никому не помешаем, — наклонившись к окошку Гугера, убедительно пояснил Валерий.

Кирилл вышел из-за кормы автобуса и молчал. Парень был немного его постарше. Загорелый. Патлы выцвели почти добела. Грязные камуфляжные штаны. Босые ноги в резиновых бассейновых сланцах. Майка-тельняшка, под

мышками кислая волосня. На плече — татуировка: крылышки с буквами «ВДВ», внизу подпись «ДМБ 2008». Ногти что на руках, что на ногах отросшие и чёрные. Рोजа в белёсой щетине. А тапки от каких-нибудь туристов, — подумал Кирилл. — Забыли на берегу. Или ворованные.

— Может, покажете нам какой-нибудь дом? — предложил Валерий.

— Полтинник, — с вызовом заявил парень.

— Пойдёт, — кивнул Гугер.

Парень обошёл автобус с кабины и по-хозяйски открыл дверку Валерия. Валерий сообразил, что ему надо убраться, и выпрыгнул на дорогу, уступая своё место. Вслед за Кириллом он полез в салон.

Усевшись, парень сунул Гугеру ладонь:

— Лёха.

— Г-г... Денис, — сказал Гугер, пожимая руку.

В кондиционированном салоне от Лёхи отчётливо запахло потом, маслом и перегаром.

— Очки-то сними, чего как пидарас.

Гугер послушно снял очки, повесил на зеркальце заднего вида и начал разворачивать автобус, отвернувшись от Лёхи.

— Много в деревне жителей? — спросил у Лёхи Валерий. Он сидел на том месте, где недавно сидела Лиза, и подался вперёд.

— Да хер знает, — не оглядываясь, сказал Лёха. — Летом много, из города приезжают. Зимой человек тридцать, если со старухами.

— Дома закрытые — это городских?

— Ихние.

Лёха смотрел по сторонам, словно что-то выискивал. Внезапно он опустил в дверке стекло, высунулся и заорал:

— Ты где шляешься с утра? Я через час приду, жрать готовь!

Кирилл отклонился, чтобы Валерий не загораживал ему окошко, и увидел молодую носатую бабёнку, отошедшую

от автобуса на обочину. Волосы бабёнки были жестоко выбелены до синтетического отлива, а лицо — смуглое, загорелое.

— Явишься — и сготовлю! Я хер знаю, может, ты бухаешь! — яростно крикнула бабёнка в ответ.

— Сука Верка, — откидываясь на спинку сиденья, пробормотал Лёха.

Валерий деликатно помолчал, оставляя паузу для этой семейной драмы, а потом снова подался вперед:

— А какая тут работа есть?

— Да никакой, — буркнул Лёха, глядя в лобовое стекло. — Какая, на хер, тут работа. Была зона — была работа. А ша только в заповеднике егерем. Кому охота, на хер, за гроши по лесам шарашиться.

— И что, все безработные?

— Работают, дебилы, егерями.

— А ты сам? — вдруг спросил Гугер.

— Я не долбанутый. Я рыбу глушу, туристам продаю.

— Чем глушишь? Взрывчаткой?

— Ну, не глушу, — скривился Лёха. — Заповедник, бля. Есть места, сыпанёшь пакет стирального порошка — без шума рыба всплывает.

— Она же отравленная будет, — осуждающе заметил Валерий.

Затылок Лёхи окаменел.

— Да чё отравленная-то? Ни хера не отравленная. А вам-то чё? На хера сами приехали? — Лёха посмотрел на Гугера.

— Мы... из музея, — нашёлся Валерий. — Будем вашу церковь... э-э... измерять, описывать...

— На хера? — Лёха всё равно не оглянулся.

— То есть? — растерялся Валерий.

— На хера? Кому она нужна? Была зона — ещё туда-сюда, а щас?

Валерий смешался.

— А где вообще церковь? — сменил тему Гугер. —
Что-то не видно.

— Церковь там, далеко, — Лёха махнул рукой. — Вон лес, в нём кладбище. За лесом дом Шестакова. А уже за ним церковь.

Разговаривая с Гугером, Лёха смотрел на собеседника. Видимо, того, кто за рулём, он считал главным, равным себе и достойным общения. Все остальные были ерундой.

— Дом Шестакова — это особняк за бетонным забором?

— Угу.

Завидев какого-то встречного мужика, Лёха опять высунулся в окошко. Похоже, ему приятно было показать всем знакомым, что он едет в шикарной машине.

— Серый! — крикнул он. — Ты мне когда пилу вернёшь?

Ответа Серого Кирилл не расслышал.

— Кто этот Шестаков? — спросил Гугер.

— Шестаков-то? Мудила один. Депутат он там в Москве, что ли, или банкир. Отгрохал себе крутую дачу в заповеднике. У нас все бабы на него работают. Убираются, цветы поливают. Ништяк, но получают.

— Этот Шестаков часто здесь бывает?

— Иногда приезжает с корешами и блядами. А так тут его вертухай за порядком следит. Он и вызванивает баб, кому когда на работу надо.

— Но ведь деревне польза, — заметил Валерий. — Работок.

— Польза, — нехотя кивнул Лёха. — Без Шестакова кончилась бы деревня. Осталось бы три двора, их бы отселили. Заповедник же, сука.

Валерий вздохнул:

— Да, вопрос с жильём везде самый острый...

— Эта хаза подойдёт? — Лёха указал направо за борт.

Автобус ехал мимо дома, одна половина которого была целая, а другая сгорела и вытянула, как чёрные пальцы, обугленные брёвна.

— Чего-нибудь получше бы, — ответил Гугер.

— Тогда сворачивай туда.

Гугер повернул в проулок.

— А есть у вас какие-нибудь легенды, предания? — спросил Кирилл.

— Сказки, что ли? — не оборачиваясь, скривился Лёха. — Нам тут, бля, не до сказок. Ничего тут нету. Мы не сказки сочиняем, а пашем тут на вас, москвичей херовых. Всю Россию, бля, обожрали.

Гугер молча ухмыльнулся. Кирилл подумал, как же тут Лёха пашет на Москву, в краденых-то сланцах? Рыбу травленую продаёт?

— Лизка! — вдруг заорал на улицу Лёха. — Ты куда это ходила?

Кирилл снова отклонился и увидел на обочине Лизу, которую они подвезли по дороге. Остаток пути до деревни Лиза прошла пешком. Пропуская автобус, она стояла в бурьяне в том же платочке и с рюкзаком за спиной. Автобус, который её напугал, в сочетании с Лёхой, похоже, напугал её ещё больше. На Лизе просто лица не было.

— А что, у вас в лесах собаки дикие бегают? — спросил Кирилл.

Лёха впервые обернулся назад и внимательно осмотрел Кирилла.

— У нас ваще собак нет, — веско произнёс он. — Нигде. Ни в лесу, ни в деревне. Дохнут, на хер.

— Почему? — холодно спросил Кирилл, не отводя взгляда.

— Я доктор, что ли, чтобы знать?

— А этот дом? — перебил Гугер.

Он притормозил возле длинного одноэтажного здания с большими одинаковыми окнами. Здание стояло посреди просторного заросшего двора. В чертополохе торчал ряд вкопанных автопокрышек, некогда окрашенных в синий цвет. Забор вокруг двора был вполне крепким.

Из-за угла здания высовывался какой-то сарай с железной кровлей.

— Это школа, — пояснил Лёха. — Я в неё угланом ходил. Четыре года назад её закрыли.

— А если мы в ней поселимся?

Лёха подумал.

— Да так-то она ничья.

Гугер решительно завернул во двор и остановил автобус.

— Я посмотрю, — сказал он и выбрался из кабины.

— Вход назад там! — крикнул Гугеру Лёха.

Сначала Гугер заглянул в пыльное окно, потом ушёл за угол.

— Я тут сам недалеко живу, — сказал Лёха, обращаясь на Валерия и Кирилла. — Могу баню истопить, по сотне с рыла. Чё надо — дак спрашивайте. Годовалов я. Самогонка там, рыба, молоко, всё есть. Баб только нету. Но если чего не то начнёте, отмудохаю, пацаны.

— Проблем не будет, — вежливо сказал Валерий.

Возле автобуса появился Гугер.

— Жить можно, — сообщил он.

Валерий и Кирилл полезли из салона «мерса» на улицу. Потом из кабины выбрался Лёха и хлопнул дверцей.

— Хороший бэтээр у вас, пацаны, — похвалил он и пошлёпал автобус по капоту. — Давайте полтинник.

Валерий протянул Лёхе бумажку в пятьдесят рублей. Лёха сунул её в карман камуфляжных штанов и пошагал к воротам.

— Дегенерат, — вслед ему тихо сказал Гугер. — Аж курить хочется.

— Полный дегранс, — согласился Валерий.

Гугер полез в кабину за сигаретами и с досадой присвистнул:

— Очки солнечные украл, сволочь.

— Догони, забери, — посоветовал Кирилл.

— «Труссарди», палёнка. За такое не стоит связываться.

Церковь стояла на вершине плоского бугра, наглухо заросшего бурьяном. Она была пятиглавой, но от малых глав сохранились лишь кубические тумбы на углах основного здания, а от большой главы на чёрном дырявом куполе торчал пустой барабан с узкими прозорами. Шатровая колокольня казалась обглоданной. Похоже, храм пытались как-то сохранить: окна и вход аккуратно заколотили досками. Вокруг храма, прижимаясь к стенам, разлапились огромные липы.

За излучиной Керженца дымился торфяной закат. Нестественный и воспалённый свет окрасил листву лип и лохмы бурьяна синевой, словно они были пришельцами с Венеры. Церковь, некогда белёная, а сейчас облупленная, выглядела багровой, как шмат мяса.

— Ближе-то не подъехать? — вертел головой Гугер.

— Уж сто метров можно пешком пройти, — укорил Валерий.

— Мне кабель тянуть, а не гулять.

Они выбрались из автобуса и через бурьян пошагали ко входу в храм, спотыкаясь о какие-то обломки, невидимые в зарослях.

В дощатом щите, что перекрывал портал, была прорезана дверь. Сейчас её запирали висячий замок в ржавых петлях.

— И где взять ключ? — обескураженно спросил Валерий.

— Щас принесу, — сердито буркнул Гугер и ушёл обратно.

— Лурия говорил, что здание не подлежит ремонту, — Валерий оглядывал колокольню, уходившую в ядовито-сиреневое небо, как баллистическая ракета. — Фундамент просел, стены треснули... Жаль.

— А чего жаль? — пожал плечами Кирилл.

— Ну, просто могли бы восстановить храм — и деревня бы ожила.

— Как?

Гугер вернулся с молотком и гвоздодёром. Он без колебаний подцепил одну из петель замка и со скрипом выдернул её.

— Взлом, — сказал Кирилл.

— Уже вертушка со спецназом летит, — проворчал Гугер.

Он распахнул дверь и перешагнул порог.

— Понимаешь, начались бы службы, люди бы вспомнили божьи заповеди, — назидательно продолжил Валерий, не двигаясь с места. — А там и себя просто в порядок бы привели, хозяйство бы наладили.

Кирилл оглянулся на перелесок с кладбищем, за которым скрывалась деревня Калитино. Ага. Колосятся золотые нивы, тучные стада пасутся на лугах, над которыми плывёт нежный колокольный перезвон. А вечерами в храм идут усталые жнецы и румяные босоногие селянки, что уже напоили бурёнушек медовыми росами.

— А ты бы в это время играл на рынке «Форекс» и смотрел три-дэ-блокбастеры, — сказал Кирилл Валерию. — Каждому по способностям.

Валерий молча пошёл за Гугером. Кирилл — за Валерием.

В церкви было темно, просторно и мусорно. На полу громоздились груды кирпичей, досок и арматуры. Потолка не было, вместо него где-то высоко сияла дырами ветхая кровля. От стены к стене над головами протянулись грубо врезанные швеллеры. Из щелей заколоченных окон бил красный закатный свет и прозрачными плоскостями резал объём помещения на ломти. В этих плоскостях, как в стёклах, закружилась пыль, поднятая Гугером.

— Вот она, икона, — Гугер глядел на простенок между окнами.

Валерий и Кирилл подошли.

Псоглавец был изображён в полный рост. Он стоял на голубом фоне в синем одеянии и в чёрных сапогах, по голенищам которых были повязаны какие-то платки. Грудь и живот Псоглавца закрывал панцирь. В правой руке, слегка опущенной, Псоглавец держал хрупкий на вид крест с тремя перекладинами — маленькой, большой и косой. В левой руке, поднятой, у Псоглавца было тонкое и длинное копьё. С плеч Псоглавца складками свисал алый плащ, застёгнутый на горле.

Хотя главное, конечно, — голова. Тёмно-рыжая, шерстяная, с острыми звериными ушами. Впрочем, Кирилл не назвал бы эту голову собачьей. Тут была какая-то помесь муравьяда со щукой — наивная, нелепая и потому особенно правдоподобная. Думалось: художнику не сложно ведь нарисовать собаку, но если здесь что-то другое, значит, автор не механически поставил песью башку на человеческие плечи, а срисовал это чудище с натуры. Выходит, оно существует в реальности. И золотой нимб казался каким-то воротником-жабо у средневекового барона оборотней.

— Оборотень, — убеждённо сказал Кирилл.

— Анубис, — снисходительно поправил Валерий.

— Гнолл, — хмыкнул Гугер.

Псоглавец опустил длинную, хищную, острую морду и со стены тихо смотрел на людей. Кириллу почудилось, что маленький глаз Псоглавца хранит в себе багровую искорку заката.

— Какую только хрень не нарисуют, — Гугер вставил в рот сигарету и закурил, разрушая гипнотическое оцепенение. — Везде вон нормальные апостолы. Обычные дядьки с обычными черепухами. На фигу этого гнолла намалевали? Ему ещё секиры не хватает. В натуре будет монстрюк типа из «Варкрафта».

Валерий протянул руку и указал на подпись под ногами Псоглавца: «Св. Христофоръ».

— Собачья голова святого — наследие языческих культов, — пояснил Валерий. — Отголосок тотемизма.

— Что такое тотемизм? — тотчас спросил Гугер.

— Почитание животных. Когда какое-нибудь животное объявляют священным, потому что оно покровитель племени. Или прародитель людей. Или после смерти души вселяются в этих животных.

— Как коровы в Индии, — вспомнил Кирилл.

— В образе Псоглавца крещёные язычники просто продолжали почитать своих богов-зверей.

— А какие тут язычники? — не понял Кирилл. — Тут давно уж одни крещёные, фреска — девятнадцатый век.

— Фреске сто пятьдесят лет, а почитание Псоглавца очень древнее. С тех времён, когда христиане крестили язычников.

— А-а...

— Церковь догадалась, что Псоглавец — языческое божество, и при Петре Первом запретила изображение святого Христофора с собачьей головой. Его можно было рисовать только с человеческой. А почти все иконы и фрески или уничтожили, или перерисовали.

— А эта как сохранилась? — удивился Гугер.

— Ну, она вообще не при Петре Первом сделана. Гораздо позже. Понимаешь, тут уже раскольники виноваты. Они же были за всё старое — против новых книг, новых обрядов, новых икон. Крестились двумя пальцами, — Валерий показал Гугеру два пальца, словно Гугер не понимал слов, — а не тремя. Раскольники из принципа продолжали изображать святого Христофора с собачьей головой — как в древности.

— Эта церковь не раскольничья, — сказал Кирилл и кивнул на соседний простенок.

Там на таком же голубом фоне была изображена женщина в ниспадающих одеждах. Под её ногами бежала надпись: «Св. Варвара». Женщина благословляла зрителя тремя пальцами.

Валерий задумался.

— Ну, да, обычная, — кивнул он. — Раскольникам вообще запрещали строить храмы. Но здесь, видимо, просто местный художник на свой страх и риск изобразил святого Христофора так, как принято у раскольников. Лурия же говорил, что в Калитино был местный культ святого Христофора. Деревня-то староверческая.

— А ты откуда всё это знаешь? — с сомнением сощурился Гугер.

— Просто есть такая штука — интернет называется.

Кирилл посмотрел вокруг: тёмная, гулкая кубатура храма, тусклые росписи, красные лучи большого и дымного заката, верещание птиц в листве лип за досками окон. Язычники, раскольники, псоглавцы... Всё это было какое-то чужое, ненастоящее, случайное, не ему, словно кришнаиты в метро. Эта деревня вырожденцев, этот убогий мир — они, конечно, существовали, но никому не были нужны, даже себе. У этого мира прошлое не имело никакой цены, потому что в настоящем оно присутствовало только постыдной и мучительной разрухой. Индийские священные коровы и то были реальнее и важнее.

— Сохранилось только шесть православных икон с Псоглавцем, — продолжал Валерий. — На Русском Севере, на Урале, в Ростове и три в Москве. В Третьяковке, в соборе Кремля и в старообрядческом соборе.

— А где он?

— На Рогожском кладбище. Это между Таганкой и Лефортово, в районе «Авиамоторной».

— Странно, не знаю такого, — снова удивился Гугер. — У меня там френд живёт, надо спросить.

— И ещё есть три фрески. В Ярославле, в Свяжске и в Макарьеве, это около Нижнего. Наша фреска получается четвёртой.

— А в Европе про него знают? — Гугер указал на Псоглавца.

— Знают, но там к нему относятся как-то без пафоса. Из больших святых просто разжаловали в какие-то поменьше.

— И чего, он тоже с собачьей башкой?

— Нет, там его считают человеком, но великаном. Например, он покровитель Вильнюса.

— Эстония, нашёл Европу, — хмыкнул Гугер.

— Литва, — поправил Валерий.

Кириллу вдруг остро захотелось домой. Даже не домой — в город, к нормальной жизни, к нормальным людям, не псоглавцам.

— Слушай, Гугер, — спросил он, — а сколько тебе нужно времени, чтобы снять фреску?

Гугер деловито перевернул бейсболку козырьком вперёд.

— Завтра я вырежу её болгаркой по контуру, — Гугер пальцем очертил некий прямоугольник, словно раму для фрески, — почищу и пропитаю раствором на первый раз. Через сутки — второй раз, ещё через сутки — третий. Получается, на четвёртый день можно будет снимать. И ещё сутки надо будет подождать, когда пропитаю с внутренней стороны.

— Поня-атно... — удручённо выдохнул Кирилл. Пять суток...

— А как будешь снимать? — спросил Валерий.

— Видал — листы фанеры везём?

— Видал.

— Соберу из них щит по размеру фрески и наклею на фреску. Когда высохнет, подцеплю к щиту вибратор и тихонечко отделию штукатурку от стены. Амплитуду движения мне инструктор сказал установить на три миллиметра. Чудеса технологии.

— Вибратор? — поднял брови Валерий.

— Это не то, что вам нравится, девочки, — грубо ответил Гугер. — Это строительный инструмент. «Мерс»

поставлю поближе, чтобы генератор не переть, шнур для болгарки и вибратора подтяну сюда.

— А бензина хватит для генератора?

— Если вы с Киром пить его не будете, то хватит.

Пять суток в этой глуши, с тоской думал Кирилл. Ну чего — пять суток? Вроде немного. В Хургаде две недели для него пролетели, как секунда. Но ведь то Хургада. А здесь, в Калитино, всё не так. Здесь словно бы в воздухе невидимые руины. И дело вовсе не в деревенских алкашах, не в нищете. Здесь какое-то осатанелое, раскольничье, дикое упрямство: мы сдохнем от цирроза, по пьяни порубим друг друга топорами, сгорим в торфяных пожарах, но не будем жить иначе, не будем делать свою жизнь лучше. Здесь люди ходят на двух ногах, носят штаны и говорят, но живут неизменно, как животные, — не зря, видно, их предки поклонялись человекозверю.

Наверное, он и сейчас ходит по этим лесам. Человек с головой собаки, с клыками собаки, с судьбой собаки. Может, и не во плоти, но он жив, он нюхает дым, он смотрит в окна, он не любит чужаков.

Вдалеке заскрипела, медленно отворяясь, дверь. Валерий, Гугер и Кирилл оглянулись. Вот сейчас в полосе света появится длинная морда то ли щуки, то ли муравьеда, подумал Кирилл. Лопатки под рубашкой взмокли. Кирилл обвёл глазами пространство вокруг себя — нет ли палки, арматурины...

Он увидел что-то иное, но не понял что. Битые кирпичи, крошево штукатурки, серые обломки реек с ржавыми, кривыми гвоздями, литая станина какого-то станка, мятые пластиковые бутылки из-под пива «Красный Восток»... Не то. Огненные щели заката меж досок заколоченного окна... Фреска... Фреска.

Псоглавец на стене повернул голову и смотрел теперь на дверь.

Кирилл попятился. Нет, он точно повернул голову! Его морда раньше перекрывала крест в правой руке, а теперь

перекрывает копьё в левой! Кирилл крепко-накрепко зажмурился, открыл глаза и снова посмотрел на Псоглавца. Псоглавец смотрел на дверь. Он всегда смотрел на дверь, сто пятьдесят лет. Почудилось. Почудилось.

4

Здесь, пред очами Псоглавца, Кирилл стоял, конечно, из-за Вероники. *Кирюша, всё это несерьёзно*. Их отношения несерьёзны, потому что квартира на Кутузовском — не Кирюши, а его тётки. И старый «форд» не Кирюши, а его папы. И деньги не Кирюши, а его мамы. А у Кирюши только второй курс факультета электроники в МИЭМ. Кирюше этого хватало, а Веронике — нет. И она ушла.

Она не требовала «майбах» и студию на Софийской. Ей хотелось, чтобы Кирюша просто стал самостоятелен. Чтобы зарабатывал хотя бы на то, что есть. Пока Вероника ушла недалеко, у Кирилла был шанс её вернуть. И тут на его почту пришло это письмо.

«Здравствуйте, Кирилл. Меня зовут Даниил Львович Лурия. Я сотрудник Континентального музейного фонда NASS (международное подразделение UNESCO, штаб-квартира Basel, Schweiz). Наш фонд организует краткосрочные экспериментальные экспедиции, в которые приглашаются люди, отобранные тестированием авторских страниц LiveJournal. Тест-программа в числе многих возможных кандидатов назвала и Вас. Я воспользовался тем, что Вы указали свой e-mail, и обращаюсь к Вам лично. Фонд NASS предлагает Вам в июле этого года принять участие в поездке по Нижегородской области. Продолжительность поездки 5–7 дней. Гонорар 3000 \$. Если Вас заинтересует наше предложение, прошу в течение 3 дней ответить мне, чтобы я организовал встречу участников экспедиции».

Может, это была разводка. Никакого NASS из Basel в Schweiz, никакого Лурия Даниила Львовича Кирилл по сети не отыскал. Но три тысячи долларов — нормальная зарплата за два месяца, а тут всего-то неделя напряга. Денег вперёд не просили. И Кирилл решил узнать, в чём дело. Лурия пригласил его на ланч в ресторан «Ильдаруни» возле «Рижской».

Кирилл думал, что ресторан окажется армянской дыренью в полуподвале, пропахшем маринованным луком бастурмы, но во дворе стандартной высоты он увидел двухэтажный хайтековский пристрой с крытой верандой на втором этаже. На парковке у входа блестели совсем не дешёвые тачки. В холле с панелями из морёного дуба Кирилла встретила красивая девушка-армянка с бейджи-ком «Эрмине».

— Вы Кирилл Шелехов? — улыбаясь, спросила она. — Я вас провожу.

По деревянной винтовой лесенке она повела Кирилла на второй этаж, профессионально качая задом.

На веранде за одним столиком обедала пожилая армянская чета, за другим моложавый джентльмен читал «Эсквайр», и перед ним стоял высокий стакан яблочного фреша. У балюстрады возле совсем пустого стола молча сидели два молодых человека — маленький чернявый и полноватый блондин. Эрмине провела Кирилла к этим парням и заботливо отодвинула ему стул.

— Что-то пожелаете? — спросила она.

Кирилл сел и посмотрел на парней, примеряя, кто из них Лурия.

— Нам, милая, пока только четыре эспрессо, — вдруг прозвучало за плечом у Кирилла, и Кирилл оглянулся.

Моложавый джентльмен со стаканом фреша уверенно отодвинул четвёртый стул.

— Господа, это я вас пригласил, — сообщил он. — Будем знакомы, я Даниил Львович Лурия. Вы — Кирилл, —

он кивнул Кириллу, словно слегка поклонился. — Вы — Валерий. А вы — Денис.

— Предпочитаю, когда называют Гугер, — пробурчал чернявый.

— Как будет угодно, — вежливо согласился Лурия.

Кирилл внимательно разглядывал его. Светлая рубашка Finamore, расстёгнутая на верхнюю пуговицу, часы Emporio Armani, ремень Piquadro, брюки и туфли Baldessarini. Всё итальянское, хоть и не премиум-класс, но ничего.

— Во-первых, хотелось бы узнать, как вы нас нашли, — несколько раздражённо потребовал блондинистый Валерий.

— Лиф джорнал, — просто ответил Лурия. — Я же указал в письме.

— А почему мы? Какие у вас критерии отбора?

— Наш фонд разработал тест из пятидесяти четырёх вопросов. Вы ответили так, как нам необходимо.

— Понимаете, я ни на какие анкеты не отвечал.

— И я не отвечал, — вставил Кирилл.

— Вопросы никто не задавал, — согласился Лурия, — но ответы содержались в ваших записях в ЖЖ.

— У меня там только перепосты и трындёж про игры онлайн, — сказал Гугер. — Я вообще ничего не писал.

— Значит, и этого оказалось достаточно, — терпеливо объяснил Лурия. — Наш тест несовершенный, но и нужен он отнюдь не для поиска избранного Нео, как в «Матрице».

— А что за вопросы? — не унимался Валерий.

— Самые разные. Например, купили бы вы себе такой смартфон, какой Стив Джобс подарил Медведеву? Я могу предоставить вам список этих вопросов, но только при следующей встрече, если она состоится. И не для копирования, всё-таки это ноу-хау нашего фонда.

Кирилл вспомнил, что в своём ЖЖ он и вправду издевался по поводу нового iPhone. Но в целом ему было безразлично, как его вычислили. Главное — что предложат.

— А что у вас за фонд? — спросил теперь уже Гугер.

— Он существует с семьдесят четвёртого года при ЮНЕСКО, финансируется частными лицами, иногда выигрываем гранты на исследовательские работы. Обычно считают, что наш фонд занимается спасением памятников культуры второго-третьего эшелонов. Тех памятников, что не имеют особой ценности. Районного значения, говоря по-русски. Но это не совсем так. Спасение памятников и арт-объектов — цель номер два.

— А номер один?

Лурия задумчиво постучал по стакану полированным ногтем.

— Цель номер один совсем иная. Фонд финансирует исследования по социальному бытованию этих памятников и объектов. То есть как эти вещи изменяют жизнь общества.

— Например.

— Н-ну... — Лурия усмехнулся, глядя куда-то в сторону. — Например, дерево Бодхи. Под ним принц Гаутама достиг просветления и стал Буддой. За два с лишним века до нашей эры царь Ашока построил на месте просветления храм Махабодхи. Потом храм рухнул и полтора тысячелетия лежал под джунглями. В девятнадцатом веке его восстановил лорд Каннингем. С тех пор вокруг храма — город Бодх-Гая размером с Можайск. Город живёт паломниками. Выдумано множество преданий и ритуалов, чтобы паломники оставляли деньги. Вот так дерево — памятник культуры — повлияло на жизнь социума. Правила жизни в Бодх-Гая — предмет наших исследований.

Официантка Эрмине принесла кофе.

— Что будете заказывать?

— Я ничего не буду, спасибо, — сказал Валерий, словно боялся, что Лурия его отравит.

— И я не буду, — сказал Кирилл. Ему не хотелось быть обязанным.

Гугер вроде не отказался бы от халявы, но теперь пришлось из солидарности. Лурия поглядел на Эрмине и виновато улыбнулся.

— А чего исследовать в городе Будды? — строптиво усомнился Валерий. — Чего в жизни этого города непонятно?

— В Бодх-Гая всё понятно, — кивнул Лурия. — Туристический бизнес. Все новые обряды придуманы для туристов, они не изменили генетику социума. Но фонд и не собирался предлагать вам поездку в Индию.

— А куда собирался?

— В Керженский заповедник. Это Поволжье, река Керженец. Там находится вымирающая деревня Калитино. В деревне — заброшенный храм. В храме — редкая фреска святого Христофора. Святой изображён с собачьей головой. Его, кстати, так и называют — Псоглавец. Фреску нужно законсервировать и снять со стены, соблюдая технологию и все предосторожности.

— В Европе её загоните? — догадался Гугер.

Лурия невозмутимо отчеканил:

— Фреска погибает в аварийном здании. Её изъятие согласовано с Росохранкультурой, документы я предъявлю. Снятую фреску нужно передать Нижегородскому государственному историко-архитектурному музею-заповеднику. Наш фонд не присутствует на арт-рынке.

— Если обидел — извините, — буркнул Гугер и сунул в рот сигарету.

— Но это цель номер два, да? — подсказал Валерий.

— Да. А цель номер один — пронаблюдать реакцию социума.

— Социум ужрётся и отмудохает нас, — не сдержался Гугер.

Лурия рассмеялся:

— По правде говоря, риск есть. Надеюсь, что до этого не дойдёт. Но подобный риск присутствует в России повсеместно.

— А как деревня может отреагировать? — спросил Кирилл.

Лурия развёл руками:

— Если бы мы знали, то не искали кандидатов для эксперимента.

— Может, никто вообще ничего не заметит, всем плевать?

— Может. Однако наши специалисты считают, что реакция будет.

— Почему?

— Видите ли, друзья. Фреска — не шедевр, но очень редкая. Мы подняли архивы и установили, что храм был расписан в 1858 году. Но в то время святого Христофора уже больше столетия не изображали с собачьей головой. Значит, в деревне был местный культ Псоглавца.

— Считаете, он сохранился до наших дней? — не поверил Валерий.

— Наша гипотеза заключается в том, что сакральные культы существуют не только в сознании социума, но и в подсознании. Некие события могут активировать поведенческие стратегии, которые социум, казалось бы, давно утратил. Нужны примеры?

— Без примеров непонятно.

— Извольте. В девяносто третьем году в кургане на священном алтайском плато Укок была найдена женская мумия, которую назвали Принцессой Укока. Её перевезли в Новосибирск, в Академгородок. А на Алтайский край обрушились бури, катастрофы, разгул коррупции. Всё это алтайцы объяснили тем, что лишились покровительницы. Началась массовая истерия, возродился забытый культ мертвецов. Самое удивительное в том, что количество несчастий действительно сильно выходит за пределы статистически вероятного.

— Ну, как в «Дозорах», — вспомнил Гугер. — Открыли могилу Тамерлана — сразу Гитлер напал.

— Примерно так, — кивнул Лурия.

— Мистика, — презрительно заметил Валерий.

Кирилл отвернулся, разглядывая двор, зелёные тополя, парковку. Принц Гаутама и Принцесса Укока, Алтай и Гималаи — всё это было так далеко, так несопоставимо. Где он и где Будда? Издалека доносился вой сирены — то ли по проспекту Мира, то ли по Рижской эстакаде катил очередной кортеж. Кирилл вполуха слушал, что говорит Лурия.

— Не мистика, а магия. Но вряд ли на Алтае магия. Просто неясные нам пока законы бытования социума. Могу привести другой пример. В 1853 году Оренбург вымирал от холеры. Болезнь остановили только тем, что принесли в город чудотворную икону Богоматери. Но божьему чуду есть рациональное объяснение. Городские интенданты тайком раздавали мертвецов и продавали их одежду на рынке, тем самым разносили болезнь по городу. Когда в город внесли икону, интенданты просто побоялись грешить вблизи почитаемого образа.

— То есть на Алтае народ просто подсознательно боялся мести Принцессы, а когда её увезли, то обнаглел? — предположил Валерий.

— Понятие «подсознание», конечно, спорное, но используем его в трактовке Юнга. Однако я говорю не о личном подсознании отдельных людей, а о подсознании всего социума. Любой отдельный человек не сможет дешифровать это подсознание, хотя когда разнонаправленные векторы частных усилий суммируются, то получается такое действие социума, которого никто не ожидал. И такая ситуация транслируется из века в век, пока сохраняется культура как носитель архетипов.

— Какая культура-то на Алтае? — усомнился Валерий.

— Язык — вербальная фиксация культуры. Есть и другие способы фиксации. Религия. Неизменность образа жизни. И так далее. Что касается случая, ради которого мы